

сюда же можно отнести и образ русалок в «Любовной песни Дж. Альфреда Пруфрока» (The Love Song of J. Alfred Prufrock 1917), как архетип Керы – богини-девушечницы.

Однако куда больший интерес для исследования представляют художественные образы, относящиеся непосредственно к «объективному корреляту», поскольку они являются частью более узкого пласта культурной парадигмы, в которой находился сам Элиот. Они, несомненно, будучи универсальными, оказывают наиболее сильное воздействие на современников автора. Их можно декодировать, проанализировать и объяснить, однако, вырванные из историко-культурного контекста они перестают выполнять свою основную функцию: воздействие на эмоции реципиента на бессознательном уровне. Поэтому даже само обнаружение образов и мотивов, коррелирующих с историческим, культурным и социальным опытом реципиента на эмоциональном уровне, становится затруднительным. Чем сильнее мы отдаляемся от культурной парадигмы, в которой творил Элиот, тем сложнее нам декодировать его произведения, если, к примеру, многие образы, мотивы и события в поэме «Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока», такие как потеря волос, худоба лирического героя или сравнение его с насекомым, насаженным на булавку, и сейчас актуальны легко декодируются и, самое важное, вызывают тот же ассоциативный и эмоциональный отклик, поскольку напоминают нам о страхе перед старостью и смертью или о давлении общества, то образ одиноких мужчин без пиджаков, прислонившихся к окнам («lonely men in shirt-sleeves, leaning out of windows» [9, с. 132]), или трактиров, устланных устричною шелухой («sawdust restaurants with oyster-shells» [9, с. 130]), возможно проанализировать, но эмоционального воздействия они уже не оказывают. Таким образом перед нами встает ряд вопросов: насколько «объективный коррелят» соотносится с теорией архетипов, возможно ли отождествление этих понятий, сколько подобных образов в поэмах Элиота остается без внимания из-за того, что в современной культурной парадигме уже не являются «объективным коррелятом», является ли творчество Элиота переработкой и переосмыслением древних мифов, или поэт разрушает его и создает принципиально новый?

Поэтому, несмотря на высокий интерес к творчеству Т. С. Элиота и изученность его творчества, его произведения все еще являются объектом исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Мифы / С.С. Аверинцев // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А.А. Сурков. – М. : Сов. энцикл., 1962 – 1978. – Т. 4 : Лакшин. – Мураново. – 1967. – С. 876 – 881.
2. Аствацатуров, А.А. Работа «Назначение поэзии и назначение критики» в контексте литературно-критической теории Т.С. Элиота / А.А. Аствацатуров // Элиот Томас Стернз. Назначение поэзии. Статьи о литературе. – Киев : AirLand, 1996. – С. 15 – 39.
3. Бенг, М.М. Метафора в поэзии Томаса Стернза Элиота 1910-20-х гг. в свете его эстетической теории : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.М. Бенг. – Челябинск, 2011. – 287 с.
4. Жуковский, А.Ю. Т.С. Элиот об оценке поэзии / А.Ю. Жуковский // Новая Юность. – 2014. – №4 (121).
5. История английской литературы. Т. 2 / под ред. И.М. Катарского. – М. : Акад. наук СССР, 1958. – 732 с.
6. Ушакова, О.М. Миф о Прокне и Филомеле в поэзии Т. С. Элиота / О.М. Ушакова // Известия УрГУ. – 2001. – № 21. – С. 17 – 33.
7. Меркулов, И.П. Миф / И.П. Меркулов // Философия : энцикл. словарь. – М. : Гардарики, 2004. – С. 925 – 933.
8. Элиот, Т. С. Назначение поэзии / Т. С. Элиот // Статьи о литературе / пер. с англ. ответ. ред. И. Булкина. – М. : Совершенство, 1997. – 350 с.
9. Юнг, К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг. – СПб. : ИВО-Сид, 1991. – 208 с. – (Серия «Страницы мировой философии»).
10. Eliot, T. S. The Love Song of J. Alfred Prufrock / T. S. Eliot // Poetry Magazine. – Chicago. – June 1915. – P. 130 – 135.

УДК 821.111ЭЛИОТ.09:159.964.2

АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ ПОЭМЫ Т. С. ЭЛИОТА В СВЕТЕ ФРЕЙДИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Е.С. БАЛТРУКОВА

(Представлено: д-р филол. наук, проф. А.А. ГУГНИН)

Проводится анализ поэмы Т. С. Элиота «Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока». Производится попытка рассмотреть лирического героя произведения, применяя метод психоанализа Фрейда.

Открытие Фрейда в области психологии и основанный им метод психоанализа произвел переворот в начале XX века. Исследования Фрейда касались не только природы психических и невротических расстройств личности, но и природы творчества, скрытой символики в искусстве, происхождения и истолкования мифов [1, Стб. 139].

Психоаналитические воззрения на природу человека привлекли внимание практически всех значительных писателей XX века, и даже сегодня невозможно представить искусство и литературу вне фрейдистской концепции: не важно, поддерживают или опровергают авторы данную концепцию – проигнорировать ее нельзя. Психоаналитический метод ассоциирования оказал влияние на Джойса и Дёблина, строивших свои произведения на основе «потока сознания», на символистов, дадаистов, писателей, использовавших технику «автоматического» письма, некоторые авторы напрямую ссылались на Фрейда [1, Стб. 139]. Точки соприкосновения между психоанализом и литературой обнаруживаются и в самой тематической параллельности литературы и психоанализа, которые занимаются целенаправленной реконструкцией человеческих переживаний и поведения в определенных условиях.

Данные параллели позволяют искать тематическую аналогию между процессами психоаналитической реконструкции и современной литературой. Однако эта аналогия выходит за пределы тематического сходства. Еще в 1920 году Фрейд заметил, что метод свободных ассоциаций лежит в основе творчества некоторых писателей и поэтов, что помогло глубже понять личность писателя, его мотивы, страхи, комплексы [3, с. 832]. Позднее многие писатели-модернисты, вдохновившись идеей бессознательного, намеренно стали использовать эту концепцию при создании образов персонажей, а психоанализ стал одним из методов литературоведения.

Говоря о поэзии Т. С. Элиота, необходимо отметить свойственную ей полифонию и эклектизм: так в его творчестве прослеживаются влияния библейских текстов, классической античной литературы, Данте и Шекспира, а также – поэтов-метафизиков XVII века, у которых он позаимствовал технику создания метафор-концептов – «тотальных метафор», когда метафорой становится весь текст [4, С. 7]. При этом Элиот не оторван от современных ему течений, литературных, научных и философских концепций: Элиот включает в свое творчество теоретические позиции, которые считает релевантными – антропологическую мифологическую школу Дж.Дж. Фрэзера, философию Ф. Ницше, психоанализ Фрейда [2, с. 13]. Такое разнообразие идей и воззрений делает поэзию Элиота многоуровневой, насыщенной символами, концептами, аллюзиями, поэтому творчество Элиота нуждается в комментировании, толковании и анализе, а также дает возможность для различных подходов и интерпретаций.

Персонажи Элиота отличаются многогранностью, а также универсальностью и обобщенностью, поскольку они являются собирательными образами типичных представителей социальных слоев современного Элиоту общества. Однако, это делает их менее уникальными, индивидуальными. Их можно рассматривать не только как мифологемы или архетипы, но и анализировать их, используя метод психоанализа Фрейда.

«Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока» («The Love Song of J. Alfred Prufrock») – стихотворение Т. С. Элиота, является отличным материалом для применения фрейдистского анализа. В частности, объектом анализа может стать сам лирический герой. К Пруфроку можно применить различные аспекты психоанализа, однако, наиболее интересным с литературной точки зрения станет анализ амбивалентности персонажа, а также его культурной фрустрации, вызванной доминированием супер-эго героя, в результате чего персонаж, созданный Т. С. Элиотом, становится прекрасным примером амбивалентности с явными признаками невроза [6, с. 6].

Прежде всего, необходимо отметить то, как автор подчеркивает тревогу Пруфрока, вызванную страхом перед мнением окружающих: больше всего его волнует то, что о нем подумают. Это отображается в постоянной нерешительности персонажа. [6, С. 8] В частности, через всю поэму проходят его вопросы: «Do I dare?», «Do I dare disturb the Universe?», «So how should I presume?» [7, с. 130 – 132]

Автор демонстрирует социальную тревожность и прямыми фразами, которых Пруфрок ожидает от других в свой адрес: «They will say: “How his hair is growing thin», «They will say: “But how his arms and legs are thin!» [7, с. 130]. Тем не менее, лучшим примером крайней социальной тревожности персонажа, являются описания его собственных ощущений в обществе:

And I have known the eyes already, known them all –
The eyes that fix you in a formulated phrase,
And when I am formulated, sprawling on a pin,
When I am pinned and wriggling on the wall,
Then how should I begin
To spit out all the butt-ends of my days and ways?
And how should I presume? [7, С. 133]

Образ насекомого, насаженного на булавку и прикрепленного к стене, является метафорой-концептом, намекающей на социальные ограничения. Пруфрок чувствует себя некомфортно в обществе, но не может бежать, попытки противостоять существующему укладу тщетны. У персонажа наблюдается высокий уровень социальной тревожности, он чувствует себя уязвимым, бессильным, загнанным в угол. [6, с. 8] Очевидно, что при таком уровне социальной обособленности, единственный человек, которому

Пруфрок может довериться, это он сам. Таким образом, текст поэмы, построенный как беседа с неким слушателем, превращается во внутренний монолог или поток сознания – один из любимых приемов писателей-модернистов той эпохи. Несмотря на то, что Пруфрок использует обращения к другому лицу, как например:

«Oh, do not ask, “What is it?”
Let us go and make our visit.» [7, с. 130]

«And time for all the works and days of hands
That lift and drop a question on your plate;
Time for you and time for me...» [7, с. 131]

Также используется множество вопросительных предложений, в связи с чем можно утверждать, что это риторический метод, используемый Пруфроком в качестве некой рефлексии, самоанализа. Таким образом, лирический герой Т. С. Элиота – классический пример того, что Фрейд описывал в своем трактате «Недовольство культурой» (1929) [6, с. 9]. Суть этого явления состоит в том, что личность страдает в течение жизни, а причиной этих страданий в современном мире являются, в основном, социальные ограничения. В связи с этим субъект накапливает агрессию, которую может проявлять только косвенно, что впоследствии приводит к неврозам и другим психическим расстройствам [7, с. 25].

Фрейд выделяет три источника страдания: само человеческое тело, которое подвержено болезни, старению и смерти; бессилие перед превосходством природы, невозможность контролировать стихии, предотвратить катастрофы; табу, которые накладывает общество, невозможность испытывать удовольствие от удовольствий [7, с. 9]. Из этих трех Пруфрок постоянно испытывал беспокойство от первого и последнего.

Амбивалентность образа Пруфрока определяется этим нарастающим беспокойством и невозможностью устранить ни одну из причин: он не может замедлить процесс старения, а только с ужасом наблюдать за проявлениями этого процесса [6, с. 11]. С другой стороны, он не может позволить себе переступить черту рамок, в которые его заключает общество, при этом, чем дольше он медлит, тем меньше вероятность того, что он когда-нибудь на это решится. Сознание того, что его время уходит, заставляет Пруфрока сильнее испытывать потребность нарушить табу, что удваивает в нем чувство вины: с одной стороны – перед обществом за свои желания, с другой – перед собой за свою нерешительность.

Т. С. Элиот создает очень яркие образы, которые позволяют читателю декодировать переживания лирического героя. Автор не говорит о чувствах напрямую, не называет их, отмечает их лишь эпизодически, однако распознать их может каждый, у кого был подобный опыт:

Though I have seen my head (grown slightly bald) brought in upon a platter,
I am no prophet—and here’s no great matter;
I have seen the moment of my greatness flicker,
And I have seen the eternal Footman hold my coat, and snicker,
And in short, I was afraid [7, с. 133].

Пруфрок отлично понимает, что упустил все возможности на самореализацию, образ лысеющего человека, который встречается и в начале поэмы (40 строка) [6, с. 11], а также образ Вечного Стража, намекающий на смерть – указывают на страх Пруфрока перед старением, так же как и строки:

I grow old ... I grow old ...
I shall wear the bottoms of my trousers rolled [7, с. 135].

Осознание старения лирический герой пытается вытеснить, заменив его беспокойством о своем внешнем виде. Из этой строки становится очевидной тесная взаимосвязь между страхом смерти и желанием влиться в общество, хотя и одно и другое заставляет Пруфрока страдать.

Согласно Фрейду, амбивалентность возникает в результате конфликта между двумя первобытными инстинктами любви и агрессии/смерти [7, с. 28]. В поэме этот конфликт реализован на нескольких уровнях. Наиболее интересным его проявлением становится направленность его на себя. Поэма называется «любовной песнью», однако, как мы уже выяснили, представляет собой внутренний монолог. Это значит, что желание обладать и разрушать, которое, по Фрейду, направлено от одного индивидуума на другого, в поэме сосредоточено на самом персонаже. Пруфрок, в первую очередь, хочет реализовать себя, как полноценную личность, получить власть над собой, взять свою жизнь в свои руки, владеть ею. Однако, он не способен на принятие волевых решений, все его великие начинания «Disturb the

universe.../ To have squeezed the universe into a ball...» [7, с. 132] сводятся в итоге к пустым рассуждениям, нерешительным вопросам, мыслям о чае, светских беседах, одежде. Пруфрок осознает свою апатичность и несостоятельность, и это заставляет его злиться на себя. В поэме он говорит, что не принц Гамлет, а скорее шут:

No! I am not Prince Hamlet, nor was meant to be;
Am an attendant lord, one that will do
To swell a progress, start a scene or two,
Advise the prince; no doubt, an easy tool,
Deferential, glad to be of use,
Politic, cautious, and meticulous;
Full of high sentence, but a bit obtuse;
At times, indeed, almost ridiculous –
Almost, at times, the Fool [7, с. 135].

Под этой самоиронией он скрывает презрение, разочарование в самом себе. У Пруфрока нет никаких иллюзий относительно своего места в мире, он не считает свои метания и раздумья признаком величия и глубины, как это было у Гамлета, однако он, очевидно, хочет, чтоб это было так. Его высокие ожидания сталкиваются с реальностью, порождая фрустрацию. Он полагает, что недостойн уважения ни в собственных глазах, ни в обществе, что можно увидеть в строках о русалках, которые поют друг другу, но не Пруфроку: «I do not think that they will sing to me.» [7, С 135] Здесь мы видим, что герою необходимо также и общественное признание, которого он не может и не решается добиваться.

Это выливается также в конфликт между Пруфроком и обществом. Герой отчаянно хочет поразить других, свои откровения он представляет только в присутствии третьих лиц, он хочет возвыситься над ними, но сам понимает, что никогда не решится, боясь общественного осуждения:

Would it have been worth while
If one, settling a pillow or throwing off a shawl,
And turning toward the window, should say:
“That is not it at all,
That is not what I meant, at all.” [7, с 134]

Это желание воссоединения с обществом, желание принести другим пользу и совершенно противоположный инстинкт доминирования и обособления приводит к коллапсу, который выражается в презрении к женщинам, которые «говорят о Микеланжело» и «шелестят юбками по паркету», но при этом в этом выражается и страх показаться смешным тем самым женщинам, которых он так презирает [6, с. 13]. В этом есть также чисто фрейдистский намек на сексуальную неудовлетворенность, о котором свидетельствуют образы тех же русалок, отелей на разовый постой, устричная шелуха [6, с. 13]. В итоге, Пруфрок предпочитает уходить от проблем, подавлять себя. Это подтверждает строчка:

I should have been a pair of ragged claws
Scuttling across the floors of silent seas. [7, с. 131]

Таким образом, враждебность к цивилизации, являющаяся следствием недовольства культурой у Пруфрока не имеет решения: он не решает ни одну из своих проблем, предпочитая прятаться и приспособливаться, смиряться со своим положением. Это продолжается довольно долго, поскольку герой говорит: «I have measured out my life with coffee spoons» [7, с. 132]. Если сравнивать Пруфрока с тем же Гамлетом, которым он хочет, но не может быть, то можно заметить, что, несмотря на схожие предпосылки: наложение внутреннего конфликта на внешний, давление со стороны социума и желание пойти против установленных порядков, несмотря на то, что долгие патетические монологи героев могут свестись к короткому «Быть или не быть», персонажи имеют одно принципиальное различие. Пруфрок, конечно же, является примером распространенного гамлетовского персонажа, однако, в отличие от шекспировского прототипа, он выбирает «быть», что значит – подчиниться обстоятельствам и оставить все как есть, в то время как Гамлет, после таких же долгих сомнений и рассуждений, выбирает противостояние, что приводит к смерти, но все же решает конфликт.

Таким образом, с точки зрения психоанализа Фрейда, недовольство культурой Пруфрока вызвано постоянным подавлением его эго со стороны его супер-эго, при этом его агрессия вытесняется в бессознательное и заменяется внешними маловажными, но общепринятыми действиями. При этом персонаж испытывает угрызения совести за свои желания, что только усиливает его агрессию по отношению к себе

и окружающим. Герой испытывает потребность в признании, однако, чувство вины заставляет его презирать себя и сторониться других людей, которые, как он полагает, превосходят его.

Нельзя упускать из внимания и тот факт, что полное название книги, в которой опубликована поэма Т. С. Элиота – «Пруфрок и другие наблюдения». Значит, Пруфрок – одно из наблюдений Элиота, так же как и все лирические герои других стихотворений [6, с. 14]. Причем само слово «наблюдение» может быть истолковано в данном случае по-разному: возможно, это просто описание нескольких людей, случаев, свидетелем которых поэт стал, а может быть, наблюдение здесь употребляется как медицинский термин, в таком случае вся поэма представляет собой описание развития болезни [6, с. 14]. Учитывая стремление Элиота к универсальности, имперсональности, можно утверждать, что Пруфрок – не отдельно взятая личность, а обобщенный образ определенного типа людей, так называемый «маленький» человек. Этот типаж уже был широко распространен в литературе, однако Элиот показал его изнутри, представив свои наблюдения, как историю болезни. Таким образом, «маленький» человек в трактовке Элиота – болезнь его века, которая быстро распространяется. Он прочно укореняется в культурной парадигме, существуя среди мифологем и аллюзий, сам становится архетипом современной культуры. Элиот в своей поэме показывает не собственное разочарование в современной цивилизации, а всеобщее недовольство культурой, которое приводит к агрессии, апатии и упадку. Это вполне созвучно с современными ему историческими реалиями, однако, его поэзия – больше, чем реакция на войну. В данном случае война – следствие духовного упадка, который Элиот наблюдал на примере Пруфрока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Додельцев, Р.Ф. Фрейд / Р.Ф. Додельцев // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А.А. Сурков. – М. : Сов. энцикл., 1962 – 1978. – Т. 8 : Флобер – Яшпал. – 1975. – Стб. 138 – 141.
2. Жуковский, А.Ю. Т.С. Элиот об оценке поэзии / А.Ю. Жуковский // Новая Юность. – 2014. – № 4 (121).
3. Козлов, А.С. Психоаналитическая критика / А.С. Козлов // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М. : Интенвак, 2001. – Стб. 830 – 834.
4. Толмачёв, В.М. Т. С. Элиот / В. М. Толмачёв // Вестн. ПСТГУ. Сер. 4, Филология. – 2011. – № 1 (23). – С. 7 – 64.
5. Фрейд, З. Недовольство культурой / З. Фрейд. – М. : Олимп, 1997. – 47 с.
6. Jessica Enzi. The Ambivalent, Culturally Frustrated Prufrock / Jessica Enzi // C LIT Midterm Paper. – Washington. – 2013. – 16 p.
7. T. S. Eliot. The Love Song of J. Alfred Prufrock / T. S. Eliot // Poetry Magazine. – Chicago. – June 1915. – P. 130 – 135.

УДК 821.11 “1837-1901“

ТВОРЧЕСТВО Р. БРАУНИНГА И Э. Б. БРАУНИНГ В КОНТЕКСТЕ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ

М.Н. ГИЛЬ

(Представлено: канд. филол. наук, доц. Д.А. КОНДАКОВ)

Рассматриваются литературные традиции викторианской поэзии на примере таких авторов, как А. Теннисон, М. Арнольд. Сопоставляются новаторские стили Браунингов. Прослеживаются основные тенденции формирования женского письма.

Обращаясь к такому феномену культуры, как «викторианство», отметим, что данное понятие означает определённый комплекс нравственных и этических установок, определённую идеологию, образ мыслей и жизни, духовную атмосферу, которые показывают становление общества в определённый отрезок времени. В данном случае, общества, находящегося на новом пути своего развития в 1837 году, который именуется годом вступления на престол королевы Виктории [1, с. 56].

Однако новшества затрагивают не только социально-политическую сферу, но и культурную, где одно из главных мест занимает литература, как проводник между внешним и внутренним обликом общества. Интерес к глобальным проблемам, стоявшим в центре внимания в начале века, сменился интересом к внутреннему миру человека, что привело к пересмотру литературных традиций. Викторианское общество того периода отличалось своим оптимизмом, надеждой на нравственное возрождение социума и человека. Одновременно с этим, для викторианцев было характерно чувство одиночества и отчаяния от непознаваемости мира. Наивысшего расцвета в Англии того времени достигает роман, отражающий духовные потребности как общества, так и отдельного индивида. Но поэзия не остаётся незамеченной, она